

РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА

АЛЕКСАНДР БЕНДИН

**МИХАИЛ
МУРАВЬЕВ-ВИЛЕНСКИЙ**

**УСМИРИТЕЛЬ И РЕФОРМАТОР
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Русской славы имена

Александр Бендин

**Михаил Муравьев-Виленский.
Усмиритель и реформатор
Северо-Западного края
Российской империи**

«Книжный мир»

2017

Бендин А. Ю.

Михаил Муравьев-Виленский. Усмиритель и реформатор
Северо-Западного края Российской империи / А. Ю. Бендин —
«Книжный мир», 2017 — (Русской славы имена)

ISBN 978-5-9909785-8-4

Книга повествует о деятельности графа Михаила Николаевича Муравьева-Виленского в должности генерал-губернатора Северо-Западного края Российской империи в 1863-1865 гг. На протяжении многих десятилетий в Литве и Белоруссии образ графа Муравьева мифологизировался как в советской, так и в националистической историографии. Особенно преуспели в историческом мифотворчестве белорусские националисты. Поэтому автор рассматривает феномен белорусского национализма и опыт его взаимоотношений с мифотворческой практикой «национальной» историографии. В книге анализируется политическая и этно-конфессиональная ситуация, сложившаяся в Литве и Белоруссии накануне восстания 1863 г., показаны основные направления многогранной деятельности графа Муравьева по усмирению польского мятежа и реформированию Северо-Западного края. Особое внимание автор уделяет рассмотрению муравьевских реформ, вошедших в историю как политика «обрусения» региона. Рассматриваются также идейные мотивы, которыми руководствовался М.Н. Муравьев в своей деятельности по управлению Северо-Западным краем. Показаны перемены, которые произошли в общественном сознании населения Литвы, Белоруссии и российского общества под воздействием восстания 1863 г. и глубоких преобразований края на «русских началах», совершенных М.Н. Муравьевым.

ISBN 978-5-9909785-8-4

© Бендин А. Ю., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

Глава 1. Юбилеи графа Муравьева-Виленского и проблемы интерпретации белорусской истории	7
1.1. П.А. Столыпин и М.Н. Муравьев: две судьбы российских реформаторов	7
1.2. Физиономия белорусского национализма: доктор Джекил и мистер Хайд	11
1.3. Почему националистам нужна “своя” история?	16
1.4. Технологии исторического мифотворчества и вызванные им когнитивные диссонансы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Бендин Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо- Западного края Российской империи

*Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе –
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?*

*Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленье,
Назло, увы, и пошlostям родным.*

Ф.И. Тютчев

Глава 1. Юбилей графа Муравьева-Виленского и проблемы интерпретации белорусской истории

1.1. П.А. Столыпин и М.Н. Муравьев: две судьбы российских реформаторов

Личность и деятельность Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева-Виленского в последнее время вызывает все больший исследовательский интерес у отечественных и зарубежных историков. Ученые рассматривают различные аспекты жизни и деятельности этого выдающегося российского реформатора, который прославился своим решительным подавлением польского восстания и глубокими, системными преобразованиями в Северо-Западном крае Российской империи в 1863-1865 гг¹.

Всего лишь два года Михаил Николаевич Муравьев управлял обширным Северо-Западным краем, но это короткое правление превратило регионального администратора обширной империи в политика национального масштаба, навсегда вошедшего в историю России, Литвы и Белоруссии. М.Н. Муравьева благословлял митрополит Московский Филарет (Дроздов), а поэт Ф.И. Тютчев посвятил ему замечательные стихи. Его как «истинно русского государственного деятеля» глубоко почитало местное православное духовенство и митрополит Литовский Иосиф Семашко, а император Александр II называл графа Муравьева «гениальным человеком». Виленский генерал-губернатор пользовался уважением белорусских крестьян, которые видели в нем «заступника», подлинного освободителя от экономического гнета польских панов. Крестьяне с любовью называли его «батяка Муравьев», строили церкви и часовни в честь Архистратига Михаила – небесного покровителя М.Н. Муравьева².

Он же являлся, однако, средоточием ненависти политических врагов Российской империи – польских националистов, русских революционеров и либералов. На него ополчились герценовский «Колокол», сановные либералы – «космополиты», но для российского общества, славянофилов и М.Н. Каткова виленский генерал-губернатор стал живым символом русского патриотизма, ярким примером жертвенного служения Отечеству³.

¹ *Ананьев С.В.* М.Н. Муравьев-Виленский: политическая биография: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2007; *Ананьев С.В.* Конфессиональная политика М.Н. Муравьева на посту генерал-губернатора Северо-Западного края в 1863-1865 гг. // *Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр.*, Саратов, 2008. – С. 34-44; *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. – М., 2005; *Долбилов М.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. – М., 2010; *Сталюнас Д.* Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М.Н. Муравьева (1863-1865) // *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике.* – Вильнюс, 2003. – Т. VII. – С. 250-271; *Федосова Э.П.* Православие в Северо-Западном крае при графе Муравьеве: 1863-1865 гг. // *История народов России в исследованиях и документах.* – М., 2007. – С. 192-218; *Федосова Э.П.* Граф М.Н. Муравьев-Виленский (1796-1866). Жизнь на службе империи. – М., 2015; *Гигин В.Ф.* Оклеветанный, но не забытый // *Неман.* – 2005. – № 6. – С. 127-139; *Бендин А.Ю.* Образ виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в современной белорусской историографии // *Беларуская думка.* – 2008. – № 6. – С. 42-46; *Бендин А.Ю.* Граф М.Н. Муравьев-Виленский и национальное пробуждение белорусского народа // *Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин.* – Минск, 2006. – С. 53-77.

² «Готов собою жертвовать...». Записки графа М.Н. Муравьева об управлении Северо-Западным краем и усмирении в нем мятежа. – М., 2009; Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. – М., 2014; Литовский государственный исторический архив. Далее: ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 1507. – Л. 12-13; *Виноградов А.А.* Как создавался в г. Вильне памятник графу М.Н. Муравьеву. – Вильна, 1898. – С. 3-60; *Макаревский М.* Граф Михаил Николаевич Муравьев, как церковно-общественный деятель в Северо-Западном крае. – Вильна, 1898. – С. 1-15; *Миловидов А.И.* Как создавался памятник графу М.Н. Муравьеву // *Русская старина*, 1898. – Т. 96. – С. 691-698; *Турцевич Ар. О.* Краткий очерк жизни и деятельности графа М.Н. Муравьева. – Вильна, 1898. – С. 1-64; Из бумаг архиепископа Минского Антония Зубко. – Минск, 1900. – С. 1-15; *Китрианович Г. Я.* Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с Православной церковью в 1839 г. 2-е изд. – Вильна, 1897. – С. 419, 421-429.

³ *Катков М.Н.* Переписка с графом М.Н. Муравьевым // *Русский вестник.* -1897. – № 8; *Мосолов А.Н.* Виленские очерки

Неудивительно, что в *народном* признании исторического значения дел, совершенных для освобождения белорусского народа графом Муравьевым-Виленским, и кроется одна из причин ненависти к нему со стороны многочисленных врагов исторического Российского государства. Достаточно вспомнить слова гродненского историка Е. Орловского, написанные в 1898 г.: «Поляки, конечно, ненавидят его память, помня, что именно во время его управления Северо-Западным краем они потеряли преобладающее положение в Литве и Белоруссии. Но русские люди (особенно Западного края) сохраняют к его памяти благодарную признательность: ему Россия обязана тем, что Литва и Белоруссия в 1863 г. не отторгнуты от России; что русские начала в крае восторжествовали – и восторжествовали, несомненно, бесповоротно»⁴.

По степени почитания и ненависти из российских реформаторов второй половины XIX – начала XX вв. М.Н. Муравьева можно сравнить только с П.А. Столыпиным. Оба вызывали у своих политических врагов страх, злобу и смертельную ненависть. Достаточно вспомнить созданный польскими и белорусскими националистами и подхваченный российскими либералами зловещий образ «Муравьева-вешателя» или оскорбительный кадетский ярлык – «столыпинский галстук», бомбы и пули террористов, направленные на уничтожение строителя «Великой России».

Оба были ревностными служителями закона, имперскими государственниками и защитниками интересов русского (белорусы и малороссы) населения Северо-Западного края. Оба удостоились величественных памятников, созданных на народные пожертвования. Памятник графу М.Н. Муравьеву был торжественно открыт в Вильне в 1898 г., премьер-министру П.А. Столыпину – в Киеве в 1913 г. Нельзя не вспомнить и Музей графа М.Н. Муравьева, который начал свою работу в Вильне в 1901 г.

Схожа их посмертная судьба, сложившаяся после падения Российской империи. События Первой мировой войны и российских революций 1917 г. уничтожили символы памяти этих выдающихся исторических деятелей. Созданные в их честь величественные памятники были варварски разрушены мстительными врагами исторической России. Личности и деяния великих реформаторов, регионального и всероссийского, одного, усмирившего польский мятеж в Северо-Западном крае, другого – первую российскую революцию, подверглись огульному шельмованию и жесткой идеологической критике в советской историографии, в учебниках для средней и высшей школы, и в средствах массовой информации.

Только после краха советского государства впервые за много десятилетий появилась долгожданная возможность объективного научного исследования масштабного исторического наследия, оставленного нам этими выдающимися политическими деятелями России. В этот период начинает формироваться новая, стремящаяся к научной объективности российская историография, посвященная изучению личности и политической деятельности П.А. Столыпина. Под влиянием новой историографии, патриотической публицистики, книг А.С. Солженицына и политических событий последних лет в историческом сознании российского общества и представителей власти произошли серьезные перемены.

В результате, как и сто лет назад, на народные деньги вновь сооружены памятники великому сыну России в Саратове и Москве. Созданы “Столыпинский клуб” в качестве “экспертной площадки рыночников-реалистов”, призванный решать теоретические проблемы обеспечения качественного роста российской экономики, и “Столыпинский Центр Регионального

1863-1865 гг. (Муравьевское время). – СПб., 1898; *Белецкий А.В.* Открытие Музея графа М.Н. Муравьева. – Вильна, 1901; Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1899 год. – Вильна, 1899. – С. 37; *Романовский М. свящ.* Очерк истории Белостокской двухклассной церковно-приходской Владимирской школы // Гродненские епархиальные ведомости. – 1902. – № 16. – С. 167; *Беспристрастный.* Смелость ксендзов // Литовские епархиальные ведомости. – 1903. – № 28-29. – С. 222-223.

⁴ *Орловский Е.* Граф М.Н. Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности в Гродненской губернии. 1831-1835 и 1863-1865 г. – Гродна. 1898. – С. 31.

развития”, который занимается вопросами стимулирования экономической самодостаточности и повышения качества жизни на сельских территориях России.

Стопятидесятилетие со дня рождения П. А. Столыпина было торжественно отмечено на самом высоком официальном уровне. 27 декабря 2012 г. в Москве у Дома правительства был открыт памятник Петру Аркадьевичу Столыпину. В торжественной церемонии приняли участие президент Российской Федерации Владимир Путин и премьер-министр Дмитрий Медведев.

В этом году исполняется 150 лет со дня кончины Михаила Николаевича Муравьева. Срок достаточный, чтобы в полной мере осознать масштабность и глубину перемен, вошедших в историю Белоруссии как *поворотное* “Муравьевское время”, и достойно почтить его память на общественном и государственном уровне. Столь же важно вспомнить и о другой, не менее значимой дате, о 220-летию со дня рождения графа Муравьева-Виленского. Совпадение двух знаменательных дат в этом году накладывает особую ответственность на всех, кто с благодарностью и уважением относится к памяти этого выдающегося государственного деятеля.

До революции 1917 г. панихиды об упокоении графа Муравьева-Виленского служило благодарное ему православное духовенство Литвы и Белоруссии. О выдающейся роли виленского генерал-губернатора в истории местного Православия писал в юбилейном для России 1913 г. известный исследователь Муравьевской эпохи А.И. Миловидов: «С именем графа М.Н. Муравьева связаны возвеличение Православной церкви Северо-Западного края, как Церкви господствующей, улучшение материального положения православного духовенства, умножение православных домов молитвы, постановка народного образования на русских началах под руководством православных пастырей и общее поднятие русской культуры. Мы уверены, что все эти благодетельные реформы найдут громкий отзвук в благодарных сердцах местного православного духовенства, и оно в наступающем, и в последующие два года, не раз помянет с благодарностью имя «болярина Михаила»⁵.

Действительно, 8 ноября 1913 г. в день прославления Архистратига Божия Михаила, в кафедральном соборе г. Вильны архиепископом Литовским и Виленским Агафангелом в сослужении епископа Ко-венского Елевферия и многочисленного духовенства была совершена заупокойная литургия, а затем была отслужена панихида по почившем графе Муравьеве. В тот же день у величественного памятника М.Н. Муравьева, в присутствии представителей администрации и множества молящихся, также была совершена торжественная панихида. По окончании панихиды на пьедестал памятника представителями русских организаций г. Вильны и прибывшими депутациями были возложены венки⁶. Тогда же, память графа Муравьева-Виленского торжественно почтило православное русское население Литвы и Белоруссии.

Может быть и сейчас кто-нибудь из настоятелей церквей, которые были построены по распоряжению М.Н. Муравьева, будучи верным своему пастырскому долгу, отслужит панихиду об упокоении души своего знаменитого храмоустроителя. Надеюсь, что будут принесены цветы к могиле графа Муравьева на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, состоятся научные конференции историков, посвященные изучению его жизни и деятельности, появятся новые публикации.

В современной Белоруссии, на территории которой благотворные результаты реформаторской деятельности виленского генерал-губернатора проявились наиболее глубоко и зримо во всех областях народной жизни, никто из государственных лиц не заявляет о необходимости официального чествования памяти великого преобразователя. Активность проявляют лишь

⁵ Миловидов А.И. Знаменательный для Западно-Русской церкви юбилейный год // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 1. – С. 5.

⁶ По краю. Хроника церковно-общественной жизни // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – 1913. – № 22. – 403-405.

белорусские националисты из лагеря прозападной оппозиции, для которых появился еще один повод для привычных идеологических камланий о “Муравьеве-вешателе”.

Столь специфическое отношение к одному из крупнейших деятелей истории своей страны можно охарактеризовать (вспомним поведение известного библейского персонажа) как “комплекс Хама”, являющий собой уникальный случай социальной патологии. Другого определения, пожалуй, и не подберешь, изучая историю и наблюдая за тем, как на протяжении десятилетий ученые мужи и следующая за ними мелкотравчатая журналистская и пропагандистская братия двух белорусских государств – советского и “незалежнага” – старательно культивируют в обществе комплекс исторического хамства. Причем, это многолетнее патологическое усердие проявляется по отношению к памяти и делам человека, который, по словам Ф.И. Тютчева, “бедное, замученное племя”, то есть, белорусский народ, “воздвигнув к жизни, вынес на себе”.

И все же определение “историческое хамство”, которое удачно характеризует родовые черты националистического отношения к правдивой истории своего отечества и его выдающимся деятелям, каким бы точным и выразительным оно ни было, проблемы далеко не исчерпывает.

Целенаправленно сложившееся в Белоруссии негативное отношение к памяти М.Н. Муравьева требует развернутого экскурса в сферу современного белорусского национализма и связанной с ним националистической интерпретации истории. Мера эта, увы, вынужденная, так как предпринятый экскурс сюжетно и содержательно напрямую не связан с проблематикой исследования муравьевских реформ в Северо-Западном крае Российской империи. Необходимость такой ретроспекции продиктована сложившейся ситуацией. У читателя, в первую очередь, белорусского, о графе Муравьеве-Виленском сформировалось превратное представление, навязанное поначалу советскими, а затем и “национальными” учебниками по истории, сочинениями доморощенных беллетристов, псевдоисториков и публикациями в националистических СМИ. В связи с этим предварительный анализ идей, политической практики и опыта взаимоотношений белорусского национализма с “национальной” историографией становятся важным свидетельством в пользу актуальности предпринятого исторического исследования.⁷

⁷ В данной работе понятие «национализм» и производные от него определения «националистический» и т.п. автор, согласно сложившейся в социологической науке традиции, использует в качестве оценочно-нейтральных.

1.2. Физиономия белорусского национализма: доктор Джекил и мистер Хайд

Начать нужно с того, что господствующий в стране политический класс бюрократов и его политические противники из лагеря радикальной прозападной оппозиции едины в своей идеологической основе. Те и другие по своим взглядам, риторике и политической практике являются националистами. В первую очередь, их объединяет общий дискурс национализма, к которому прибегают обе противоборствующие стороны. В борьбе за вождельную власть те и другие именуют себя истинными борцами за “суверенную Беларусь”, подлинными защитниками национальных интересов и национальной идентичности белорусов.

Те и другие объясняют необходимость такой защиты угрозами, которые проистекают якобы от внешних и внутренних врагов драгоценной и выстраданной ими белорусской “незалежнасці”. Только при этом классу бюрократов во главе с президентом Лукашенко уже на протяжении многих лет удается удерживать власть над страной, пребывающей в состоянии перманентного социально-экономического кризиса. Радикальная же оппозиция, находясь в абсолютном меньшинстве, стремится к овладению этой властью с целью превращения ее в этнократический режим, “подлинно” белорусский, “национальный” и, разумеется, “европейский”.

Сходство и различия двух основных соперничающих типов белорусского национализма наглядно проявляются в области идеологической и культурно-образовательной политики, проводимой в стране, где подавляющее большинство этнических белорусов говорит и думает по-русски, считая русский язык и русскую культуру родными. Учитывая данное обстоятельство, господствующая бюрократия использует приемы “ползучей” белорусизации, тактический характер которой обусловлен таким важным фактором как наличие правового статуса русского языка в качестве второго государственного в республике. В связи с этим, политическая практика современной белорусизации имеет свои особенности и нуждается в некотором пояснении.

В узком смысле под белорусизацией следует понимать политику административного насаждения белорусского языка через топонимику, систему образования, учреждения культуры и средства массовой информации. При этом белорусские язык и культура преподносятся обществу в исключительном статусе “национальных”, без которого “белорусская нация” полноценно существовать не может.

Для русскоязычной бюрократии базовым критерием “национального” по-прежнему остается идейное наследие советского этнического национализма – есть “титовая” белорусская нация, следовательно, должен быть и “титовый” белорусский язык. На этом основании русский язык и русская культура, являющиеся органической частью культуры современной Белоруссии, под категорию “национальных” не попадают.

Политика белорусизации, осуществляемая русскоязычной бюрократией, является закономерным следствием бытования в этой среде идейных представлений о необходимости воспроизводства “титовой” белорусской нации и ее атрибутов в новых исторических условиях. Кроме того, эта политика предусматривает конструирование новых “национальных ценностей” и “изобретение традиций”, которые внедряются затем в систему образования, воспитания, транслируются СМИ и учреждениями культуры.

В итоге возникает еще одно из множества противоречий, характерных для белорусской действительности, когда родной язык абсолютного большинства коренного населения, будучи государственным, не получает официального признания в качестве “национального”. Бюрократическая белорусизация, основанная на признании такого противоречия правомерным, предстает, таким образом, в качестве политики разделения русскоязычного общества по лингвоэтническому принципу.

Белорусизация в *широком смысле* слова представляет собой этнонационалистический проект конструирования «белорусской нации» как политической общности с новой этнической идентичностью. При этом объектом лингвокультурной гомогенизации общества становится не только русское этническое меньшинство, но и белорусское этническое большинство, обладающее, в массе своей, общерусским самосознанием. Порожденный идеологией этнического национализма новый проект национального строительства предусматривает максимальную *дерусизацию* культурной и общественно-политической жизни Белоруссии.

Осуществляемый бюрократическими «постепеновцами» проект умеренной белорусизации страны подвергается критике со стороны радикальных националистов из лагеря прозападной оппозиции. Неудовлетворенные темпами и масштабами проводимой бюрократами белорусизации, они выступают за ускоренную, всеобщую и принудительную дерусизацию всех сфер общественной, культурной и государственной жизни страны.

Этнократический проект форсированной дерусизации, предлагаемый радикальными националистами в качестве инструмента создания новой «белорусской нации», преподносится русскоязычному обществу как необходимое условие «европейского выбора Беларуси». В соответствии с представлениями о темпах, методах и масштабах белорусизации варьируются и формы русофобии, которые являются одной из движущих сил этого проекта: начиная от русофобии латентной и далее, вплоть до открытой и агрессивной.

Сходство двух подходов к проведению идеологической и культурно-образовательной политики заключается не только в общей мотивации, но и в понимании общих целей строительства «белорусской нации». Новая «нация-государство» должна быть отделена от России не только политическими рубежами. Стратегическая цель белорусизации – утверждение таких границ, которые должны окончательно разделить единый русский народ по рубежам идейным, историческим, этническим и культурным. Результатом этой политики должна стать новая белорусская идентичность, созданная по идеологическому проекту и противостоящая общерусскому самосознанию большинства граждан современной Белоруссии.

Конъюнктурная, декларируемая во внешнеполитических отношениях с Россией, формула «*единый русский народ – союзное государство*» в области внутренней политики приобретает иные вектор и содержание. «Ползучая» белорусизация, осуществляемая господствующей бюрократией, представляет собой воплощение практически действующей внутривнутриполитической формулы: «*два разных народа – два «суверенных» государства*». В этом случае феномен политической шизофрении выступает в качестве испытанного инструмента сохранения власти этого класса в условиях функционирования регрессирующей социально-экономической системы.

Одновременное использование двух принципиально разных политических практик позволяет правящему режиму добиваться, с одной стороны, получения экономических преференций от России, с другой – конвертировать идеи белорусского национализма в свой политический капитал. В этом случае стратегические цели белорусизации отходят на второй план, и верх берут тактические приемы, необходимые для удержания власти в стране.

Правда, радикальные националисты, представляющие в стране интересы коллективного Запада, в решении этого вопроса идут значительно дальше. Предлагаемый ими проект национального строительства предусматривает создание новой «белорусской нации» на этнической основе. Политический проект конструирования этнической нации базируется на мифологическом понимании этничности. Например, националисты воспринимают «этнос» как «общность людей, связанных кровью и почвой». Затем уже на этом кровно-почвенном фундаменте выстраиваются мифические представления о нации как «общности судьбы» и «общности культуры», под которыми понимаются общий «этнос», история и язык. Исповедуемое националистами единство этнической «общности» становится, таким образом, идейным основанием проекта строительства новой этнической.

В современной Белоруссии решающим средством реализации националистического проекта этнокультурной гомогенизации общества могут быть только меры принуждения, способные, с одной стороны, решительно вытеснить русский язык и русскую культуру, с другой – столь же решительно навязать населению единый язык, сконструированные «национальные» ценности и традиции. Прозападную ориентацию проекта радикальной белорусизации усиливает фактор конфессиональный, так как этнические националисты испытывают, как правило, симпатии к католицизму. Стратегической целью националистов является реализация формулы: *«два чужих народа – два противостоящих друг другу государства»*.

Сходство позиций в стратегических вопросах белорусизации обусловлено также и тем, что и политический класс бюрократии, и прозападная националистическая оппозиция принадлежат к основным бенефициарам белорусской суверенности. Для одних источником доходов является власть и связанный с ней бизнес, для других – оппозиция к власти, приносящая субсидии Запада.

Пропагандируя необходимость защиты этой суверенности, русскоязычная бюрократия, господствующая в стране, придает политическую легитимность курсу “ползучей” дерусизации. Идеальным обоснованием такого курса служит представление о белорусском языке как «факторе защиты и обеспечения национального суверенитета». Белорусизация в этом случае означает практическое отрицание “национальной” полноценности русского языка и русской культуры, формируя представление о том, что их терпят временно, исходя из тактических политических соображений. Вместе с тем, белорусизация – это и политическая демонстрация принципиального нежелания признать очевидный факт, что русский язык и русская культура в Белоруссии столь же аутентично «национальны», как и белорусский язык и белорусская культура.

Более того, реализуемый ныне проект бюрократической белорусизации отрицает надэтнический, гражданский характер формируемой политической нации, заявляя приоритет разделяющих общество этнических ценностей над ценностями общенациональной консолидации. Как следствие, начавшийся во второй половине 90-х гг. XX в. процесс формирования нации на двуязычной, гражданской основе в наши дни начинает целенаправленно приобретать одномерное этническое измерение. Основанная на отрицании «национальной» равноценности двух языков и культур, политика белорусизации парализует процесс становления гражданской нации, становясь одновременно идеологическим препятствием для строительства Союзного Государства России и Белоруссии.

Следует отметить, что проведение очередной белорусизации является своеобразным политическим рецидивом опыта “демократической” белорусизации первой половины 90-х гг. прошлого века. Государственно-политическая кампания того времени, инициированная этническими националистами, была «демократической» лишь формально, так как ее проведение было связано с практикой административного принуждения и проявлениями русофобии. В этом первом постсоветском опыте формирования национальной идентичности белорусский этнический национализм и принципы современной европейской демократии продемонстрировали свою идейную и политическую несовместимость.

Стоит напомнить и о практике белорусизации середины 20-х – первой половины 30-х гг. XX в., которая проводилась коммунистами в условиях большевистской диктатуры. И в первом, и во втором случае государством применялись принудительные меры по вытеснению русского языка и русской культуры из общественной, культурной и политической жизни страны. И в обоих случаях эти меры вызвали неизменное неприятие со стороны этнических белорусов.

Защита суверенности, осуществляемая сегодня столь специфическим, иррациональным способом, происходит в то время, когда страна остро нуждается в модернизации технологически и структурно отсталой экономики, социальных реформах, направленных на выход из состояния деградации, в котором находятся система социальной защиты населения, наука, образование, здравоохранение и культура. Не менее актуальна и смена действующих ныне

полицейско-милитаристских и государственно-бюрократических приоритетов бюджетной и социально-экономической политики, разорительных для населения бедного восточно-европейского государства, которому не угрожают ни внешняя агрессия, ни “внутренние враги”.

Торжество иррациональных приоритетов, экономически выгодных для стоящего у власти политического класса, делают жизненно необходимым появление новых, социально ответственных подходов к решению острых экономических и социокультурных проблем. Однако суверенитет страны, ставший любимой темой публичного дискурса лидера бюрократического класса, не служит на деле своему прямому предназначению – быть основой для проведения рациональных реформ, направленных на эффективную модернизацию экономики и повышение благосостояния населения. Понятие суверенитета используется, как правило, в пропагандистских целях, для воссоздания утраченной социально-политической привлекательности политического режима. Официальная пропаганда представляет суверенитет страны в качестве сакрального объекта, который настойчиво рекламируют жителям республики для массового идеологического поклонения.

Таким образом, и господствующий в Белоруссии класс “памяркоўных” бюрократов, и противостоящая ему прозападная радикальная оппозиция, будучи националистами по своей общей дискурсивной природе, различаются лишь тактическими приемами по созданию “белорусской нации”. Первых можно отнести к представителям “бюрократического национализма”, которые, по словам Энтони Смита, в процессе “национального строительства” делают ставку на “обещания порядка и стабильности в периоды быстрых перемен”⁸. Специфические свойства природы, которые присущи действующему главе государства, предопределили тип установленного в стране политического режима и его идеологию. Поэтому насаждаемый сверху белорусский бюрократический национализм приобрел ярко выраженный персонифицированный характер.

Вторые же позиционируют себя в качестве противников режима “бюрократического контроля и регламентации” и представляют собой, условно говоря, “антибюрократическое националистическое движение”, декларирующее свою ревностную приверженность либеральным европейским ценностям. В своем конкретном выражении, отражающем специфику белорусской политической жизни, антибюрократические националисты относятся к популяции националистов этнических, сторонников установления русофобского этнократического режима. Политической целью такого режима должен стать решительный разрыв исторически сложившихся связей Белоруссии с Россией и цивилизационный разворот страны на Запад. Пример нынешнего украинского режима, выбравшего твердую ориентацию на интеграцию с Европейским союзом, вдохновляет этнических националистов в их идейном и политическом противостоянии с господствующим в стране политическим классом бюрократии.

Известный парадокс ситуации заключается в том, что если политические границы между бюрократическими и этническими националистами носят отчетливо выраженный антагонистический характер, то идейные отношения между этими двумя типами белорусского национализма являются гибкими и подвижными. В зависимости от политической конъюнктуры они могут находиться либо в стадии противостояния, либо в стадии симбиоза. Склонность к симбиозу проявляют, в первую очередь, идеологи бюрократического национализма. Данное обстоятельство вызвано тем, что стагнирующий политический режим, несмотря на внушительный идеологический аппарат, не отличается творческой эффективностью в области идейного обоснования собственной легитимности.

Этому во многом способствует сама господствующая бюрократия, созданная и воспитанная своим лидером в традициях архаичной и косной культуры провинциального патернализма. В силу иррациональных политических опасений бюрократия отказывается признавать

⁸ Смит Э. Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі. – Мінск, 1995. – С. 180-181.

одним из источников исторической легитимности новой государственности формулу “единый русский народ – союзное государство”. В общерусской составляющей отечественной истории и культуры бюрократия видит угрозу своему политическому и идейному господству в стране, которая в этническом и конфессиональном отношении не является однородной⁹.

К тому же, популистские приемы и обещания, к которым в течение многих лет охотно прибегал лидер этого политического класса, постепенно утрачивают свое влияние на массовое сознание населения и его лояльность своекорыстному бюрократическому режиму. Сокращается и мобилизационный потенциал советского символического наследия, которое было приватизировано бюрократией и широко используется ею для утверждения исторической легитимности своей власти. Поэтому персонифицированный белорусский режим вынужден прибегать к иррациональным, потенциально конфликтным методам сохранения своего господства и заимствовать готовые элементы этнонационалистической идеологии у своих политических противников.

Нельзя в этой связи не упомянуть и воздействие длительного социально-экономического кризиса, который переживает страна. Чем менее привлекательной для беднеющего населения республики становится жесткая экономическая реальность “суверенного” бытия, тем более заметны признаки того, как “памяркоўная” бюрократическая элита идеологически эволюционирует в сторону этнического национализма¹⁰.

Дополнительными мотивами заключения националистических конвенций становятся внешнеполитические интересы экономически неэффективного белорусского режима. Его растущая, ставшая уже органической, неспособность обеспечить выход страны из глубокого системного кризиса заставляет искать экономическую и политическую помощь у коллективного Запада. Для государства Беларусь, учитывая опыт стран Прибалтики и Украины, идеологическим пропуском на Запад может стать только этнический национализм вместе с обязательным набором современных “европейских ценностей”. Правда, при этом придется забыть о суверенитете, боготворимом и воспеваемом сегодня на все лады бюрократической и этнонационалистической пропагандой.

⁹ На западе Белоруссии, прежде всего, в Гродненской области сильны позиции католичества и влияние соседней Польши. На востоке – в Витебске, Могилеве и Гомеле – влиятельными являются православие и пророссийские настроения населения.

¹⁰ Правда, в последнее время лидер режима, оказавшегося в политической и социальной изоляции, стал декларировать готовность к политическому компромиссу с оппозицией. Предполагается, очевидно, некий «национальный диалог» между националистами бюрократическими и этническими по поводу будущего распределения политической власти, в котором каждая из противоборствующих сторон будет стараться переиграть другую.

1.3. Почему националистам нужна “своя” история?

Новый политический режим, пришедший к власти в 1994 г., избрал в качестве официальной “идеологии белорусского государства” “памяркоўны” бюрократический национализм.¹¹ Однако этого было недостаточно для проведения идейно обоснованной политики умеренной белорусизации. Новый режим нуждался в опоре на “профессиональную историю”, способную подвести авторитетный научный фундамент под здание конструируемой им “белорусской нации”. Для этой цели историю Белоруссии следовало трансформировать из советской в “национальную”, что позволило бы осуществить историческую легитимацию нового постсоветского государства и правящего в нем политического режима.

Еще более остро в создании своей «национальной истории» нуждалась “свядомая” интеллигенция, претендовавшая на мессианскую роль носителя *должной* белорусской идентичности и творца *нужной* «коллективной исторической памяти». Эта интеллигенция также стремилась использовать «профессиональную историю», во-первых, для создания политической идеологии, призванной обосновать необходимость установления в стране прозападного этнократического режима и, во-вторых, насаждения этой идеологии, (посредством «школьной истории») в массовое историческое сознание граждан постсоветской Белоруссии.

Обретенная “незалежнасць” создавала для этой цели удобную политическую конъюнктуру, в то время как национальная “свядомасць”, приобретенная историками еще во время “перестройки”, настоятельно требовала активного творческого применения. Предстояло выполнить масштабный социальный заказ – осуществить белорусизацию отечественной истории на идейных принципах этнического национализма. Конечным продуктом “научного” творчества должна была стать “национальная история” Белоруссии.

Для этой цели “свядомымі” историками в спешном порядке была создана «национально-государственная концепция истории Беларуси», призванная обслуживать идеологические нужды будущей русофобской этнократии. Новый, претендующий на научную исключительность, «национально-государственный» нарратив начал свое победное шествие в сферу «школьной» истории. На основе этой политически конъюнктурной концепции были созданы первые «национальные» учебники для средней и высшей школ, защищены диссертации, написаны исследования по этноконфессиональной истории, истории образования, общественно-политических движений и т.д.

Казалось, что этнические националисты от историографии одержали убедительную победу не только в научном сообществе историков, но и в системе исторического образования республики. Академик М.П. Костюк, выступая на II Всебелорусской конференции историков в апреле 1997 г., заверял ее участников, что «на позиции национально-государственной концепции истории Белоруссии стало абсолютное большинство историков»¹².

Ирония ситуации, сложившейся тогда в профессиональной исторической науке, заключалась в том, что декларируемый переход историков на новые «национальные позиции» осуществлялся под громкими лозунгами «деидеологизации, дебольшевизации и деполитизации», которые были выдвинуты М. Бичом и М. Костюком в качестве методологического императива новой националистической историографии¹³. Впрочем, ничего удивительного в этом нет.

¹¹ Основы идеологии белорусского государства: Учеб. для вузов / под. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск, 2004; Основы идеологии белорусского государства: учебное пособие / под общ. ред. Г.А. Васильевича, Я.С. Яскевич. – Минск, 2004; *Бабосов Е.М.* Основы идеологии белорусского государства. – Минск, 2012; *Мельшик В.А.* Основы идеологии белорусского государства: учебное пособие. – Минск, 2011.

¹² *Касцюк М.П.* Асноўныя вынікі і задачы даследавання гісторыі Беларусі. Матэрыялы II Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў. 10-11 красавіка 1997 г. -Мінск, 1999. – С.4.

¹³ *Ліндэр Р.* Нацыянальныя і “прыдворныя” гісторыкі “лукашэнкаўскай” Беларусі. – Гістарычны альманах. – 2001. – Т.4. –

Отсутствие критической рефлексии по поводу созданного ими националистического «символа веры» – характерная черта новейшего мифологического мышления, свойственного «свядо-мым» белорусским историкам.

В ту удачливую для них пору творцам «национально-государственного» нарратива совсем не было дела до неизбежной в таких случаях «деидеологизированной» самоиронии. Настал, наконец, недолгий миг торжества идей и практики выношенной ими радикальной белорусизации, ставшей государственным инструментом принудительной гомогенизации общества на основе идей этнического национализма.

Идеологическая «концепция», насаждаемая в стране с помощью государственных институтов образования и науки, открыто выполняла свои пропагандистские задачи даже тогда, когда политические соратники этих историков – радикальные националисты, потерпев сокрушительное поражение на президентских выборах 1994 г., вынуждены были уйти в непримиримую оппозицию.

Победители – А.Г. Лукашенко и его идеологи не могли примириться с тем, что контролируемые ими государственные институты с помощью «школьной истории» навязывают обществу конфликтные, разделяющие общество идеи и ценности этнического национализма, взятые из арсенала проигравших политических противников. Новой политической элите было очевидно, что постсоветское белорусское общество в подавляющем большинстве своем отвергает проект русофобской этнократии, представляемый оппозицией в качестве единственно возможного для страны политического режима.

Поэтому «национально-государственная концепция истории Беларуси» в ее наиболее одиозных русофобских и антисоветских проявлениях начала постепенно вытесняться из области официальной «школьной истории». После закрепления в конституции страны статуса русского языка как второго государственного начала сворачиваться и «демократическая» белорусизация, навязанная белорусскому обществу коммунистами и этническими националистами в начале 90-х гг. прошлого века. В этот период были предприняты и первые официальные попытки создания общенационального исторического нарратива с использованием ностальгически окрашенных сюжетов советской историографии.

Таким образом, новая «национальная история» оказалась политически востребованной для «научного» обоснования сразу двух соперничавших проектов белорусизации – умеренного, бюрократического и этно-националистического, радикального.

Конструирование сюжетов «национальной истории», независимо от политической ориентации ее творцов, вызывало неизбежную потребность в применении специфических приемов, которые не приемлет научная история, свободная от задач «национального» служения¹⁴. Например, исторических фальсификаций, подлогов, разрывов причинно-следственных связей и манипуляций с этническими маркировками. Иными словами, тех методов, которые стали уже традиционными для исторического мифотворчества новейшего времени¹⁵.

С. 209.

¹⁴ Как отмечает С.И. Маловичко: «Любое знание как результат познавательной деятельности выполняет социальные функции. ... Но в социально ориентированной практике историописания социальные функции доминируют над научными (научная история признает приоритет научной функции над социальной). Социально ориентированное историописание не стремится быть нейтральным к прошлому, как того требует наука, оно поддерживается и / или актуализируется историческим сознанием общества, а также навязывающей обществу «нужный» образ прошлого властью». См: *Маловичко С.И.* Национально-государственный нарратив как вид социально ориентированного историописания // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. – Серия 2. – Выпуск 4. – С. 127.

¹⁵ Более подробно о технологиях мифотворчества, применяемых в белорусской «национальной» историографии, можно прочесть в следующих статьях. См: *Александр Бендин.* «Белорусская национальная идея» в свете исторической критики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/1117-belorusskaya-natsionalnaya-ideya-v-svete-istoricheskoy-kritiki-chast-i.html>; а также, *Бендин А.Ю.* Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX – начала XX в. в современной историографии // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. – Минск, 2006. – С. 8-35.

Собственно, иного и не было дано. У историков государства Беларусь, которое ведет свое независимое существование с 1991 г., других приемов для создания уходящей в древность «национальной истории» попросту не существовало. Это непреложное обстоятельство было продиктовано тем, что в качестве инструмента националистической интерпретации истории выступала идеология белорусского национализма, за которой стояли либо интересы господствующей бюрократии, либо политической оппозиции. В любом случае историческая истина не становилась результатом научного поиска и адекватных интерпретаций исторических источников. Историческая «истина» создавалась в интересах конкретных политических субъектов и в соответствии с тем или иным типом националистической идеологии.

Формируя новый «национальный» нарратив, историки, исследующие события и процессы, происходившие в границах современной Белоруссии, были обречены использовать в своих научных работах националистическую риторику. Более того, многие из них становились ее творцами. Таким образом, процесс исторического мифотворчества являлся одновременно процессом создания двух типов националистического дискурса – бюрократического и этнического.

В результате критерии научности исторического знания подменялись критериями идеологическими, которые свидетельствовали о характерной для работ национально «свядомых» историков «предрасположенности к настоящему». То есть, выражаясь более конкретно, к существующей политической конъюнктуре, обусловленной тактическими зигзагами проводимой в стране «ползучей» белорусизации, или к преследованию интересов одной из противоборствующих сторон.

Так в современной Белоруссии сложилась ситуация, при которой, по словам Э. Хобсбаума, историки оказались в роли тех, кто «производит» прошлое формирующейся политической нации. В результате их деятельности «национальная история» неизбежно превращается в «ретроспективную мифологию»¹⁶.

Учитывая данное обстоятельство, автору при изучении творческих методов, оценок и результатов работы белорусских производителей «ретроспективной мифологии» пришлось в некоторых случаях отойти от академического стиля изложения и прибегать к иронии, использовать литературные образы и оценочные характеристики. Увы, но другого выхода не оставалось, так как автору пришлось иметь дело с такой весьма специфической субстанцией, как национальная «свядомасць» историков, которая идейно питает и эмоционально стимулирует их «научное» творчество и педагогическую деятельность.

Нельзя было не вспомнить при этом и патовую ситуацию, в которой оказались производители «национальной истории». Стремительно отрешившись от идейных уз истории советской, они самозабвенно возложили на себя узы идеологии националистической. Используя великолепный образ, созданный Дмитрием Галковским в его одноименном философском романе, ситуацию, сложившуюся с «национальной историей» и ее производителями, можно охарактеризовать как «бесконечный тупик». Необходимый в данном случае анализ сюжетов «национальной историографии», пребывающей в «бесконечном тупике» мифотворчества, также не способствовал неуклонному соблюдению академической строгости в изложении темы.

Так как предметом нашего анализа являются интерпретации истории, характерные для «ретроспективной мифологии», сосредоточим внимание, прежде всего, на одной из них. Решение о сужении объема исследовательской работы обусловлено задачами сугубо практического характера.

Как уже отмечалось, историческая наука в современной Белоруссии во многом равняется на тот или иной тип национализма, бюрократический или этнический. Какую-либо четкую

¹⁶ Ломагина А.В. Проблема националистического дискурса в современной социологической науке // Вестник МГИМО-Университета. Социология. – 2013. – № 3 (30). – С. 163.

границу между двумя направлениями, существующими в белорусской историографии, провести довольно сложно в силу существующих националистических конвенций. Что же касается нашего исследования, то для него подобная дифференциация и не требуется.

Для нас главной целью является попытка представить читателю наиболее известные технологические приемы, с помощью которых мифы новейшего времени конструируются в области исторического знания. Такие технологии чаще всего свойственны тому направлению историографии, сторонники которого при создании исторического нарратива используют риторику этнического национализма.

Сделанный выбор объясняется тем, что бюрократический проект формирования новой национальной идентичности не получил еще законченного идеологического обоснования и пребывает в стадии политического становления. Его идейный вектор, темпы и методы реализации, включая «историческую политику», или «политику памяти»¹⁷, не отличаются последовательностью и зависят от многих факторов конъюнктурного и субъективного характера.

Так как для господствующей в стране бюрократии и ее бессменного лидера абсолютной ценностью является политическая власть, то в перечне их идейно-политических приоритетов белорусизации отводится подчиненное место. Привыкший постоянно лавировать и проявлять чудеса идейной и политической мимикрии, этот новый политический класс использует белорусизацию инструментально, в интересах сохранения своей власти как внутри страны, так и с учетом мощного геополитического фактора союзных отношений с Россией. Поэтому официальный исторический нарратив, связанный с «политикой памяти» и политическими интересами белорусской бюрократии, все еще не приобрел завершенных форм «единственно верной» интерпретации «национальной истории».

Что же касается этнических националистов, то для них важными маркерами оппозиционности персонифицированному бюрократическому режиму являются националистическая риторика и символика. Демонстрируя идейную мотивацию своих политических действий, эта немногочисленная популяция радикальных националистов связывает воедино борьбу за власть с пропагандой «национальных» преимуществ этноцентристской белорусизации. Стратегические цели и тактические приемы этого потенциально конфликтного политического проекта, опробованного в 90-х годах прошлого века, твердо запечатлелись в памяти этнонационалистов, и они готовы вновь осуществить его второе, расширенное и исправленное издание.

В отличие от «многовекторной» бюрократии, пытающейся, в меру своих скромных способностей, балансировать между Россией и Западом, политическое поведение оппозиционных националистов отличается завидным постоянством. Их последовательная и твердая ориентация на Запад, с ее неизменной антирусской и антисоветской составляющей, базируется на интеллектуально примитивной идеологии этнического национализма. Средством обслуживания этой идеологии и выступает указанный тип исторического нарратива с отчетливо выраженной мифологической константой. Поэтому нарратив, присущий данному типу историографии, представляет собой наиболее законченную форму идеологической интерпретации сюжетов «национальной истории».

Следует также отметить, что официальный исторический нарратив, призванный к конструированию будущей национальной идентичности, все еще не определился с критериями отличий «нас» от «других». Под «другими» понимаются, прежде всего, Россия и русские. Иначе обстоит дело в историографии, идейно связанной с этническим национализмом. Здесь нужен исторический нарратив с четкими критериями различий «нас» от «других» историки

¹⁷ Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 4. – С. 109.

уже сконструировали. «Другие», по их убеждению, это те, кто постоянно угрожают «нам» и поэтому являются чужими, врагами¹⁸.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению характерных примеров «производства» прошлого, инициированного идеями оппозиционного этнического национализма, следует дать общую характеристику проблем, характерных для современной белорусской историографии, как официальной, так и неофициальной.

По утверждению Г. Баттерфилда, мы не должны навязывать наши идеи прошлому, но должны стремиться понять каждую историческую эпоху «в ее собственных категориях»¹⁹. Однако это непреложное правило исторической науки не распространяется на процесс формирования «национального» исторического нарратива. Его задача как раз и заключается в том, чтобы «осовременить» историю страны с помощью националистической интерпретации событий прошлого. Следовательно, придать массовому историческому сознанию, формируемому в условиях политической независимости, идейную одномерность, присущую «ретроспективной мифологии» современного национализма.

Поэтому «национальная история» Белоруссии как содержанием, так и своей идеологической направленностью отторгает основополагающие традиции западно-русской историографии, положившей начало глубокому профессиональному изучению политического и религиозно-этнического прошлого страны. Так происходит потому, что западно-русская историография является научным антиподом историографии националистической, препятствуя торжеству исторической мифологии национализма, как бюрократического, так и этнического.

Более того, существование западно-русских научных традиций и современная их интерпретация лишают убедительности те идейные аргументы, которые пытается использовать господствующая бюрократия для обоснования своей иррациональной политики белорусизации. Поэтому попытки восстановления историографической преемственности с традициями западно-русской научной школы встречают политические препятствия, которые стесняют свободу ученых, критикующих современный опыт конструирования «удобного прошлого».

Продолжающиеся в последнее время официальные попытки создания национально-государственного нарратива свидетельствуют о неизменности позиции, занятой этой бюрократией в отношении западнорусского историографического наследия. Точно так же, как не признаются аутентично «национальными» русский язык и русская культура, созданные общими усилиями великороссов, белорусов и малороссов, не принимается в качестве «национального» и западнорусский исторический нарратив, имеющий фундаментальное значение для белорусской историографии.

Таким образом, стремление к созданию методологически упрощенной, идеологически ангажированной «национальной истории» является препятствием для формирования исторического нарратива, который с полным основанием можно было бы назвать общенациональным. То есть способным органически вобрать в себя сложность и богатство западнорусской историографии, как дореволюционной, так и современной.

Нарастающий экономический спад и зреющее социальное недовольство политикой деградирующей бюрократической элиты вынуждают ее всемерно наращивать пропагандистскую обработку населения с помощью националистической идеологии. Историческая политика, подчиненная интересам сохранения власти бюрократического класса, учитывает метаморфозы, которые переживает идеология официального национализма, заметно теряющая свою эффективность и прежние возможности манипулирования общественным сознанием.

¹⁸ Деружинский В.В. Тайны белорусской истории. – Минск, 2012. – С. 31.

¹⁹ Цит. по: Тьерри Б. Религиозные права: историческая перспектива // Права человека и религия: хрестоматия / Сост. и науч. ред. игумен Вениамин Новик. – М., 2001. – С. 36.

Предпринимаемые бюрократией попытки реанимировать идеологические опоры своей власти с помощью идей этнического национализма вызывают, в свою очередь, политическую необходимость в белорусизации коллективной исторической памяти. В таких условиях перспективы создания общенационального исторического нарратива, способствующего консолидации политической нации на гражданской, общерусской основе, отодвигаются на неопределенные сроки.

1.4. Технологии исторического мифотворчества и вызванные им когнитивные диссонансы

Обращение к историографии определенного нами направления требует краткого экскурса в историю белорусского этнического национализма. Давайте посмотрим, как начинался этот процесс в XX столетии. Маргинальный белорусский национализм, который ставил своей целью «отщепление от общерусского ствола его белорусской ветви и создания из нее особой белорусской нации», появляется на политической авансцене после революции 1905 г. Идеи этого национализма, этнического по своей социальной природе, были привнесены в ряды немногочисленной прокатолической интеллигенции из польской социалистической партии (PPS).

Заимствованные, привнесенные извне идеи национализма давали основания православным современникам сделать вывод о том, что «белорусский сепаратизм почти во всех деталях своих скопирован с галицкого «украинского» сепаратизма. Идейная связь его с сепаратизмом «украинским» настолько близка, что у постороннего наблюдателя не остается никакого сомнения, что оба они родились из одного источника»²⁰.

Уже тогда в нарождавшейся риторике белорусского национализма русские (великороссы) представляли как народ принципиально *чужой* в историческом, этническом и культурном отношении. Поэтому традиционное русское самосознание православных белорусов, история которого простирается от эпохи Средневековья до Новейшего времени, также воспринималось националистами как нечто чуждое, враждебное, пришедшее *извне*, от имперских «русификаторов» и их пособницы Православной церкви.

Главным политическим и культурным конкурентом националистов являлись православное духовенство и местная западно-русская интеллигенция. Представители указанных социальных групп были ведущими носителями публичного дискурса о едином русском народе, состоящем из белорусов, великороссов и малороссов, и его общем историческом прошлом. Этих-то многочисленных внутренних противников маргинального белорусского национализма и нужно было представить как проводников веры, идей, ценностей и культуры чужого белорусам русского (великорусского) народа.

Столь же ревностно отвергали националисты и результаты научного творчества западно-русской историографии, филологии и этнографии, которые были представлены именами таких известных ученых, как М. Коялович, И. Чистович, П. Жукович и Е. Карский. Фундаментальным трудам этих признанных специалистов, которые в своей исследовательской работе исходили из научно обоснованных представлений об этническом единстве белорусов, малороссов и великороссов, белорусские националисты смогли противопоставить лишь книжку В. Ластовского «Кароткая гісторыя Беларусі», изданную в 1910 г.

Этот интеллектуально примитивный, псевдоисторический опус содержал основной националистический тезис о «белорусском народе», который якобы действовал, по словам «святых» историков, в качестве «самостоятельного субъекта исторического процесса»²¹. Так было положено начало формированию исторического нарратива, изначально оказывавшего непосредственное воздействие на становление идеологии этнического национализма, процессу, который продолжается и донныне.

Вот, например, как выглядит исторический нарратив, обслуживающий идеологию этнического национализма в начале XXI столетия. По словам одного из историков, в современной Белоруссии «существуют две историографии: **национальная**, которая создаёт субъект-

²⁰ Вестник Виленского свято-Духовского братства. – 1914. – № 6. – С. 102-103.

²¹ Церашкова І.В., І.У. Чаквін. Беларусь. / Энциклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск., 1993. – Т.1. – С.473.

ную историю страны, это значит – видит белорусский народ субъектом собственной истории, ... и **колониально-российская** историография, которая пишет историю Беларуси, исходя из интересов другой страны”²².

Приведенная цитата удачно характеризует ситуацию «бесконечного тупика» мифотворчества, в который уверенно вошли первые производители «субъектной истории страны» еще в начале XX века. Прошло уже более ста лет. Однако, в среде создателей новой «национальной» историографии по-прежнему господствуют интеллектуально инфантильные представления о том, что профессиональная работа историков должна служить интересам «белорусского народа». В противном случае они попадут в тенета «колониально-российской историографии» и станут служить интересам «другой страны».

Причина столь удручающего инфантилизма заключается в том, что длительное пребывание в состоянии национальной “свядомасці” становится непреодолимым препятствием для усвоения навыков научной рефлексии, необходимой для профессионального становления исследователей в области гуманитарного знания. В результате, “свядомыя” историки (исключаем случаи циничного приспособленчества к существующей политической конъюнктуре), оказываются не в состоянии критически осмыслить “социально ориентированную практику» создания «субъектной истории страны».

Поэтому “национальная” историография, в которой «социальные функции доминируют над научными», открыто демонстрирует сегодня свой “социально ориентированный” характер, старательно производя “нужный” образ “субъектного” прошлого в интересах “белорусского народа”. Иными словами, занимается осуществлением очередной попытки белорусизации истории в политических интересах заказчиков и носителей идеологии этнического национализма. Подчинение научной функции историописания приоритету идеологии, которое с неизбежностью происходит в процессе белорусизации истории, и создает тот “бесконечный тупик” мифотворчества, в котором пребывает “национальная” историография на протяжении последнего столетия.

Возвращаясь к давней работе В. Ластовского, следует отметить, что предпринятая им попытка обретения опоры в истории и в этнической традиции на основе отрицания общерусского прошлого и русского самосознания белорусов обернулась псевдонаучным курьезом. Столь же мобилизационно провальной оказалась и антирусская ориентация националистической пропаганды. Поэтому в императорской России белорусский национализм так и не получил какой-либо значимой политической поддержки населения Литвы и Белоруссии.

До 1917 г. этнические националисты представляли собой крайне малочисленную группу прокатолической маргинальной интеллигенции, а отнюдь не «белорусское национальное движение», каковым громко именует это весьма скромное сообщество современная белорусская историография. Идеиный и политический вес этой плохо образованной интеллигенции, объединенной вокруг малоизвестной газеты “Наша ніва”, был социально ничтожен. Идеи завоевания независимости и представления о себе как особом народе, отличном от великороссов и малороссов, не пользовались поддержкой в крестьянской среде, которая, как показывает исторический опыт стран Центральной и Восточной Европы, выступала в качестве основной движущей силы процесса формирования «наций»²³.

Белорусский национализм, представленный в своём социальном измерении маргинальной интеллигенцией, не обладал способностью к организации солидарного этнического поведения и социальной мобилизации масс. Отсутствие перехода от национализма небольшой группы интеллигенции к массовому движению свидетельствовало о том, что ни практика,

²² Крайцэвіч А. Агульныя праблемы гістарычнай навукі ў Беларусі // Гістарычны альманах. – 2001. – Т.4. – С.10.

²³ Бендин А.Ю. Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX – начала XX в. в современной историографии // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. – Минск, 2006. – С. 8-13.

ни идеология этнических активистов не отвечали социально-политическим, идейным и культурным ожиданиям и потребностям крестьянского, прежде всего православного, населения Северо-Западного края. Как справедливо отмечал польский исследователь Р. Радик, в границах Православной Церкви «никогда не удавалось вызвать белорусского или украинского национального сепаратизма».²⁴

Главной же причиной того, что «белорусское национальное движение» так и не возникло в этом регионе империи, стало реальное отсутствие этнического конфликта между белорусами (православными) и великороссами. Современные исследователи признают, что существование межэтнических конфликтов является движущей силой националистических движений.

Исторический миф о таком «движении» был сконструирован в новейшее время с отчетливо выраженной прагматической целью. Историкам, обслуживавшим идеологию белорусского национализма, нужно было скрыть практическое отсутствие такого «нужного» для «субъектной истории страны» явления, как массовая политическая борьба за будущую «незалежнась». Речь идет об ахиллесовой пяте белорусского национализма, который не может опереться на исторические факты, неоспоримо свидетельствующие о том, что в создании белорусской государственности определяющую и самостоятельную роль в XX столетии играли явления внутреннего, или, «национального» характера. Вот и понадобилось выдумать упоминаемое выше «белорусское национальное движение», ведущее свою мифическую родословную от героев «восстания Кастуся Калиновского».

Этот доморощенный миф XX века свидетельствует о том, что носители национальной «свядомасці» не в силах примириться с тем, что в появлении белорусской государственности ведущую роль сыграли политические явления внешнего, геополитического характера. Уплотненное, идеологически одномерное сознание современных националистов не приемлет сложной исторической реальности, которая не укладывается в тесные рамки «рестроспективной мифологии». Особенно в том случае, когда факты реальной истории XX в. недвусмысленно свидетельствуют о полном политическом бессилии белорусского сепаратизма и бесспорном преобладании сторонников единства Российской империи. И тогда наступает время, когда на помощь удрученным исторической реальностью националистам приходят производители утешительных мифов «национальной истории».

Однако обратимся к научному определению массового политического движения. Под ним понимаются предпринимаемые в течение довольно длительного времени «усилия большого количества людей с целью коллективного решения проблем, воспринимаемых как общие»²⁵. Политически незаметная деятельность небольшой группы маргинальной интеллигенции, самочинно претендовавшей на монопольное выражение интересов белорусского народа и его этнического самосознания, под это определение явно не подпадает. Тем не менее, с помощью специального отбора фактов и оценочной интерпретации событий, мифологический сюжет о «белорусском национальном движении» был создан. Мифическое «движение» за «незалежнась» было представлено читателям как реально существующая в истории «система фактов»²⁶.

В Северо-Западном крае ведущую роль в производстве этнических различий играл профессиональный фактор. Церковные границы между белорусами – православными и католиками – проходили внутри одной этнической группы. Белорусы-католики, идентифицировавшие себя в качестве поляков, составляли меньшинство, тяготевшее к Польше и польскому национальному движению. Православное большинство белорусов воспринимало себя рус-

²⁴ Радзік Р. Прычыны слабасці нацыятворчага працэсу беларусаў у XIX- XX ст. // Беларускі гістарычны агляд. – Т.2. – Сшытак 2. – Снежань. – 1995. – С. 213.

²⁵ Зайончковский В. Социальное самосознание татар, бурят и башкир в России и СССР – преемственность или разрыв традиции? // Политическая наука. -2002. – № 4. – С. 45.

²⁶ Шатин Ю. Исторический нарратив и мифология XX столетия // Критика и семиотика. – Вып. 5. – М., 2002. – С. 101.

скими и твердо ориентировалось на Россию. В течение второй половины XIX – начала XX вв., исторически сложившаяся внутри этнической группы белорусов общность, основанная на православно-русской идентификации, стала доминирующей.

К этому времени главенствующую роль в общественном сознании православного населения Литвы и Белоруссии стали играть популярные идеи общерусского единства, изложенные в программах правых и монархических партий, в многочисленных материалах церковной и светской печати. Существовало и подлинно массовое политическое движение, объединявшее электорат этих общерусских партий, представители которых, включая православное духовенство и представителей православных братств, неоднократно избирались депутатами Государственной думы от Северо-Западного края²⁷.

Следовательно, до 1917 г. и позже белорусское население на *массовом уровне* не испытывало потребности в политическом оформлении своего существования в качестве особой, отличной от великороссов и малороссов этнической группы²⁸. Более того, это население, прежде всего, православное, политически позиционировало себя в качестве верного сторонника династии Романовых и единства Российской империи.

Распад единого российского государства и утверждение власти большевиков в центре страны побудили окраинные национальные партии к созданию этнических государств. Первой попыткой реализации идей этнического национализма, предпринятой в условиях германской оккупации, стало провозглашение в марте 1918 Белорусской народной республики. Вызванный исключительно внешними условиями, этот неудавшийся политический проект явился попыткой институционализации этничности в форме независимого от большевистской России государства. Однако действия немногочисленных националистов, направленные на обретение политического суверенитета, не получили поддержку белорусского населения оккупированных немцами территорий²⁹.

Уже в предреволюционные годы стало очевидно, что принципиальное отрицание русского самосознания белорусов сообщает этническому национализму характер исторической и этнической *беспочвенности*. Практическое отсутствие социальной базы, необходимой для появления массового политического движения, было во многом обусловлено как антирусской природой этнического национализма, так и его слабым организационным и идеологическим оформлением. После 1917 г. социально-политическое и интеллектуальное бессилие, генетически свойственное этому виду национализма, заставляло его лидеров и адептов искать поддержки у иностранных государств: сначала у кайзеровской, а затем и у нацистской Германии.

Столь же негативным к общерусскому сознанию белорусов было и отношение коммунистической идеологии в созданной российскими большевиками Советской Белоруссии. Произведенное «сверху» большевистское разделение большого русского народа (великороссов, малороссов и белорусов) произвольными политическими границами стало отправной точкой для строительства «титупной белорусской нации». Тогда и понадобилась первая коммунистическая белорусизация белорусов, чтобы вслед за административно-политическими границами

²⁷ Не посягайте на православие. Обсуждение в Государственной Думе 3-го созыва законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. – Вильна, 1909; Труды съезда представителей западно-русских православных братств, состоявшегося в г. Вильне по инициативе Виленского православного Свято-Духовского братства. 2-5 августа 1909 г. – Вильна, 1909.

²⁸ Белорусский национальный активист Я. Лёсик сетовал в 1917 году на нежелание крестьянства воспринимать идеи этнического национализма: «Наши крестьяне на съездах высказывались в том смысле, что им не нужна автономия, но делали они это по неразумению и темноте своей, но более всего в результате обмана, так как вместе с этим они говорили, что и язык им не нужен. Никто в мире не отрекается от своего языка, ... а наши крестьяне отрекаются. Значит, делают они это по неразумению и темноте. ... По тем или иным вопросам мы обращаемся к знатокам и специалистам, а вот при государственном строительстве удовлетворяемся мнениями таких специалистов, как тёмный и некультурный народ. ... Народ – вещь хорошая, но ему необходимо рассказать, разъяснить, его необходимо сначала просветить, научить, и только потом уже звать к себе на совет. См: Лёсик Я. Аўтаномія Беларусі. – Мінск. 1917. – С. 5-6.

²⁹ Резник А.Н. К вопросу о государственности БНР, или: так была ли БНР государством? – Мінск. 2002. – С. 20, 34.

появились границы этнические и культурные. Процесс конструирования «белорусской титульной нации» из западно-русского этнического материала начался постфактум, через несколько лет после того, как национальное государство в форме БССР было формально провозглашено.

Белорусизация выступала в качестве политического инструмента, который применяла большевистская диктатура для создания этнических границ, призванных культурно отделить белорусов от великороссов и малороссов. Эта продолжительная культурно-идеологическая кампания осуществлялась в рамках большевистской «национальной политики», проводимой на западных окраинах бывшей Российской империи.

Идейной основой белорусизации стал этнический национализм, адаптированный руководством РКП (б) к «марксистско-ленинскому учению по национальному вопросу». Одной из задач белорусизации стало формирование политизированной *этнической почвы*, необходимой для строительства социалистической «титульной нации». Для этого белорусские коммунисты использовали организационные, идеологические и финансовые ресурсы наряду с применением политических мер принудительного характера.

Большевистская политика создания этнических границ внутри большого русского народа предусматривала конструирование белорусской этничности, отличной от этничности русской, сформированной православием и общей русской культурой белорусов, великороссов и малороссов. Данное обстоятельство позволило «мелкобуржуазным» этническим националистам стать активными участниками белорусизации, которую проводила Коммунистическая партия Белоруссии в 20-х – начале 30-х гг. XX в.

Правда, временный альянс с коммунистами, заключенный на общей русофобской платформе, официально именуемой «борьбой с великодержавным российским шовинизмом», закончился для «мелкобуржуазных» националистов довольно плачевно. Как и следовало ожидать, они, проявив усердие не по разуму, оказались жертвами политических репрессий НКВД.

Заметное оживление белорусского этнического национализма произошло в годы нацистской оккупации (1941-1944 гг.)³⁰. В этот период националисты активно сотрудничали с нацистами и после разгрома Германии бежали на Запад, став в оппозицию послевоенному советскому режиму.

Сторонники современного этнического национализма считают себя преемниками националистов всех предшествовавших им поколений: и дореволюционной, и «титульной», выраженной коммунистической партией, и пронацистской, служившей оккупационному режиму в 1941-1944 гг. Однако политическая и социальная результативность этой всеядной исторической преемственности оказалась, по обыкновению, невелика. Социальная и этническая беспочвенность вместе с унаследованными идейной беспринципностью и русофобией, по-прежнему ставит этнических националистов в положение политических и интеллектуальных маргиналов и, в соответствии с традицией, заставляет искать поддержки у западных государств.

³⁰ 18 июля 1942 года в оккупированном нацистами Минске орган националистов «Беларуская газета» следующим образом определяла их новые идейные позиции: «Теперь следует особо подчеркнуть, кто является нашими врагами. Первым врагом, как и врагом новой Европы, является жидо-коммуна. Её банды уничтожены. Но кроме явных врагов, мы имеем много скрытых, которые в душе ненавидят наше Возрождение и всеми способами препятствуют нашей национальной жизни. Таких врагов вокруг нас больше, чем лесных бандитов. Есть остатки шлях-панских чиновников и их прислужников, польских ксендзов, которые болезненно мечтают о польском империализме и которые теперь фактически являются союзниками жидо-коммуны. Под влиянием этих панов всё ещё находится часть нашего отуманенного крестьянства Западной Беларуси. Это крестьянство мы должны самым быстрым образом освободить от вредного влияния и протереть ему глаза, засыпанные польско-костельной ложью. Здесь, в Минске и других городах Восточной Беларуси, врагами нашими являются скрытые коммунисты и вообще русские, или отуманенные Москвой «белорусы». ... Минск должен стать центром собственной белорусской жизни под немецким водительством в новой Европе». См: А. Літвін. Акупацыя Беларусі (1941-1944): пытанні супраціву і калабарацыі. -Мінск, 2000. – С. 275-276.

В этой ситуации инструментом оппозиционного конструирования необходимой националистам «коллективной исторической памяти» вновь становится историография с характерными для нее методологическими приемами, идеологическими и ценностными установками.

В постсоветской Белоруссии краеугольным камнем создаваемой «ретроспективной мифологии» служит псевдонаучный тезис о существовании в древности особого «белорусского этноса», который в своем этногенезе принципиально отличается от русских (великороссов). На этом основании отрицается существование древнерусской народности, сформированной государством рода Рюриковичей, православной верой, единой церковной организацией во главе с митрополитом Киевским, общим языком, материальной и духовной культурой.

Задача отделения «древних белорусов» от генетически чуждых им великороссов является сугубо современной, продиктованной целями, которые преследует националистическая идеология – как бюрократическая, так и этническая. Псевдонаучный тезис о существовании особого «белорусского этноса» служит общей опорной точкой, с которой начинается идеологическая развилка двух основных направлений в националистической историографии.

Первое призвано обосновать историческую правомерность осуществления бюрократической политики дерусизации по формуле «два разных народа – два «суверенных» государства». Второе – утвердить в общественном сознании необходимость реализации этнического проекта национального строительства, выраженного в формуле «два чужих народа – два противостоящих друг другу государства».

Технологические приемы, которые применяют националистические историки второго направления, достаточно просты. Это манипуляции с установлением *различий* и применением *маркировок*, основанных на методологически присущей им «предрасположенности к настоящему». Поэтому созданный воображением историков этнонационалистической ориентации особый «этнос» уже в эпоху Древней Руси уверенно маркируется белорусским, чтобы затем, в процессе исторической эволюции, телеологически превратиться в современную «белорусскую нацию». Ведь согласно современным представлениям, свойственным этническому национализму, суверенное государство Беларусь обязано иметь в древности такого же суверенного и этнически «правильного» белорусского предшественника. Историография должна лишь «научно» подтвердить этот тезис националистической идеологии, используемый в противовес декларативной формуле бюрократической внешней политики: «единый русский народ – союзное государство».

Манипуляции с этническими маркировками, осуществляемые с помощью националистической риторики, используются для насаждения искусственных различий и противоречий между этнонимами «русский» и «белорусский». С помощью таких приемов из профессиональной терминологии, с помощью которой исследуются исторические события и процессы в эпоху Средневековья, Нового и Новейшего времени, решительно изымаются научно корректные понятия *древнерусский*, *русский*, *западно-русский*, которые заменяются «национально правильной» маркировкой *древнебелорусский* и *белорусский*.

Новые маркировки применяются безотносительно давности появления терминов, их конкретно-исторического содержания, территориального, этнического и официального применения. Вводимая в историографию националистическая риторика начинает подменять собой понятийный научный аппарат, способный обеспечить адекватную научную реконструкцию сложной исторической реальности.

В качестве примеров мы видим, что уже древнерусское Полоцкое княжество чудесным образом становится белорусским. За ним и Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское маркируется как государство белорусское. Затем и Речь Посполитая превращается в очередное политическое и территориальное вместилище все той же белорусской государственности. При этом термины современной политической географии (Беларусь) произвольно проецируются на исторически существовавшие территориально-административные единицы

Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, а затем и Российской империи. В результате применения националистической риторики на территории этих исторических государств появляется неведомая современникам «Беларусь», которую историки вполне серьезно предлагают рассматривать в качестве субъекта исторического процесса³¹.

Следует отметить, что вездесущая националистическая риторика не миновала и сферу конфессиональной истории страны. Брестская церковная уния, принятая в 1596 году, объявляется «национальной» религией белорусов. Традиционному православию, которое на протяжении столетий сохраняло и поддерживало общерусское самосознание предков современных граждан Белоруссии, в этом почетном статусе отказано. Оказывается, что вера эта не «национальная», белорусская, а русификаторская, московская³².

В целом же, наиболее мифологизированным периодом «национальной истории» является XVI столетие. О событиях и процессах этого времени созданы возбуждающие воображение националистов новейшие «европейские» мифы о «белорусском Возрождении», «золотом веке Беларуси», о «Реформации, заложившей основы белорусской нации» и пр. В связи с этим стоит вспомнить и духоподъемный миф о существовании «многовековой белорусской государственности», приводящий туземных градоначальников в состояние «административного восторга».

Нельзя не заметить, что по мере приближения к нашему времени националистическая риторика «свядомых» историков все чаще приобретает идейную антирусскую направленность. Появляется и легко узнаваемый «образ врага» белорусов – русских (великороссов). В итоге неизбежным результатом русофобски мотивированного мифотворчества становятся риторические утверждения о том, что войны Великого княжества Литовского и Речи Посполитой с Московским государством являлись не только агрессией русских против государства белорусского народа, но и геноцидом этого народа во второй половине XVII в.³³

Те же антирусские убеждения не позволяют «свядомым» историкам отнести Российскую империю к формам «своей государственности». Поэтому разделы Речи Посполитой представлены читателю как агрессивный «захват Беларуси Российской империей». В результате этого тяжкого исторического преступления: «Беларусь была превращена в российскую колонию. Ожидавшее ее свободное и светлое европейское будущее оказалось перечеркнуто коварным и жестоким российским деспотизмом».

Ответом на первобытные страхи, вызванные фантастическими образами ужасного «российского деспотизма», становится создание мифов о героях и жертвах «национальной истории». В основе подобного мифотворчества лежит известный тезис националистической идеологии о непримиримом антагонизме, существовавшем между «угнетенным белорусским этносом» и его вековым «угнетателем» – Российской империей.

Для доказательства исторического существования этого конфликта используется миф о «русификации»³⁴, ранее изобретенный советской историографией и слегка модернизированный в связи с идеологическими потребностями новой «субъектной истории страны». Прагматика этого мифа преследует цель представить религиозно-этническую и культурно-образовательную политику, которую проводило российское правительство в Литве и Белоруссии в XIX – начале XX в., в последовательно негативном свете.

³¹ 100 пытанняў і адказаў з Гісторыі Беларусі / Уклад І. Саверчанка, Зм. Санько. – Мінск, 1993; *Ластойскі В.* Выбраныя творы / уклад, прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча. – Мінск, 1997. *Арлоў У., Сагановіч Г.* Дзесяць вякоў беларускай гісторыі. – Менск, 1997.

³² *Марозава С.В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады) / пад навук. рэд. У.М. Конана; Гродз. дзярж. ун-т імя Я. Купалы. – Гродна, 2001.

³³ *Сагановіч Г.* Невядомая вайна: 1654-1667. – Менск: Навука і тэхніка, 1995.

³⁴ *Миллер А.* Русификация: классифицировать и понять // *Ab imperio.* – 2002. – № 2. – С. 134.

Эмоционально-идейный уровень негативности, заложенный в прагматике мифа о «русификации», зависит от типа националистической риторики, бюрократической или этнической, которой придерживаются «сведомые» историки. Для характеристики «русификации» они используют, в основном, эмоционально насыщенные эпитеты – «насильственная», «фронтальная», «тотальная» и т.д.³⁵

³⁵ Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч 1. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск, 1994. – С. 334.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.